

Ирина ХАКАМАДА:

ДОБИВАТЬСЯ ТОГО, ЧТОБЫ В

– Долгий процесс достижения консенсуса на правом фланге вылился в создание избирательного объединения «Союз правых сил». По Вашему мнению, что нашли и что потеряли в итоге данного процесса правые?

– Главный итог в том, что на этих выборах произошла первая серьезная попытка объединения разрозненных демократических сил, которые уже долгое время, еще с 1993-м года, не могли договориться друг с другом. Самая грубая ошибка правых была допущена, конечно же, в 1995-м году, когда нам так и не удалось найти общий язык и объединить свои усилия на выборах в Думу. Поэтому-то сегодня важно преодоление личных амбиций как партий, так и личностей и отказ от взаимной конкуренции на правом фланге. Сейчас в Союзе правых сил мы объединяем 13 политических партий и движений. Я думаю, что этот факт позволяет нам надеяться на преодоление 5%-го барьера. Причем сделать это в условиях, когда либеральные идеи стали в нашем обществе не столь популярными, и пройти в парламент оказавшись в меньшинстве – это, на самом деле, большой подвиг. Мы демонстрируем лицо будущего России, несмотря на то, что мы политики настоящего. При этом, хотя нас все еще продолжают по инерции причислять к «молодым реформаторам», мы уже давно относимся к другой категории – опытных людей, хорошо знающих механизмы государственного управления.

Что касается потерь, то, как и при любом объединении, зачастую теряется индивидуальность, сглаживаются позитивные и отрицательные стороны отдельных личностей, суммируются их имиджевые характеристики. Например, наши противники обвиняют меня в обмане людей в ходе приватизации, несмотря на то, что я к ней не имела отношения, но так как теперь мы союзники с Чубайсом, на меня падает тень Анатолия Борисовича. Кроме того, среди наших сторонников ввиду длительного процесса разногласий сложились устойчивые предпочтения. Существует часть нашего электората, которая готова голосовать за кого-то одного из лидеров правых, но не готова поддерживать всех вместе. С другой стороны, есть и позитивный

сценарий, когда избиратель не готов голосовать за отдельных представителей правых, потому что понимает – в данном случае его голос пропадет как в 1995-м году. Теперь же, когда мы вместе, наши избиратели с большим удовольствием проголосуют за избирательный блок Союза правых сил.

– Политическая платформа СПС многим сегодня кажется излишне рациональной: дескать нужно больше образности и противопоставления будущего, за которое борется СПС, и прошлого, которое олицетворяют многие другие участники декабрьских выборов. В противовес этой точке зрения практически вся идеология СПС построена на логике рационального выбора. Это сознательно? Не ведет ли это к поражению?

– Мне кажется что позиция тщательного разъяснения платформы СПС выбрана правильная. Нужно исходить от того электората, который мы считаем своим. Наш электорат предполагает осознанную позицию при голосовании. Если ориентироваться на электорат, представляющий частных собственников, людей с высшим образованием, интеллигенцию, шестидесятников, молодежь, то они устали от популистских образов, они хотят голосовать не сердцем, а умом. Поэтому упор на разъяснение собственной позиции безусловно полезен. Может быть впервые мы делаем это, учитывая ошибки демократов первой волны, которые начиная с 91-го года, с начала реформ, мало что объясняли собственному народу. У них отсутствовала демократическая пропаганда, у них присутствовали только сами реформы. И когда стали появляться обвинения в непоследовательности этих реформ, почти никто так и не разъяснил, почему же они не были до конца последовательны. Это нужно было объяснять не сейчас, а тогда. И сейчас мы берем на себя груз того дела, которое должны были выполнить демократы первой волны. С другой стороны, я согласна, что само объяснение позиции Союза правых сил может происходить в более образных, эмоциональных формах. Кстати, мы ведь и делаем это. Посмотрите проекты: «Литературный герой XXI века», в рамках которого проходят поиски выдающихся та-

лантов в среде авангардной культуры, или «Альтернативная Москва». К тому же, нам приходится много разъяснять потому, что быстро произошедшее объединение правых спутало некоторых наших сторонников и не все сразу поняли, что каждый из лидеров СПС вносит в общую программу, и в чем ее суть. Приходится объяснять, что мы – европейцы, что мы не стесняемся это объявлять и объяснять, каким должно быть европейское государство в России, какое должно быть у нас общество. Фактически, используя предвыборную кампанию, мы начинаем формировать у людей новые ценности.

– **Союз правых сил пошел на две беспрецедентные акции в течение года. Еще до официального начала кампании прошла акция «Ты прав», а затем кампания по сбору подписей в поддержку референдума. Как Вы видите итоги этих акций? Принесли они тот результат на который рассчитывал СПС?**

– Ну во-первых, чтобы нас потом не обвиняли в различных комиссиях по «грязным технологиям», хочу подчеркнуть, что референдум был зарегистрирован инициативной группой в Самаре, после этого мы получили возможность собирать подписи по всем регионам и предполагаем данный процесс не как косвенную рекламу в ходе избирательной кампании, а как самостоятельную акцию. Мы хотим закончить референдум к июню, чтобы передать результаты этой работы новому президенту в качестве своеобразного «наказа избирателей». Здесь конечно произошло непровольное совмещение с кампанией по выборам в Думу. С одной стороны, это мероприятие задумывалось еще до начала думской кампании. С другой – такие масштабные акции выгодно совмещать с выборами в плане расходов.

– **Каким Вы сегодня видите своего избирателя? Имеется ли в виду и избиратель «Союза правых сил» и избиратель, который готов поддержать лично Ирину Хакамаду.**

– Но для меня идеальный избиратель – человек вне зависимости от возраста. Важно, чтобы он часто задавал себе вопрос: «Каково мое место в сегодняшнем, прошлом и будущем страны, в которой я живу?». Как только он пытается определить не какова должна быть власть, а какова его роль и что он может сделать для страны, этот человек становится моим избирателем.

– **Вы, по-моему, единственная женщина, вошедшая в первую тройку одного из ведущих избирательных объединений. Да и вообще сегодня являетесь олицетворением женского лица российской политики. Какие проблемы Вы видите при анализе положения женщин современной России и какие из этих проблем можно решить политическим путем.**

– Я думаю, что в нашей стране еще недостаточно цивилизованная политическая культура. Инстинкт и стремление занять лучшую позицию у мужчин побеждает над разумными технологиями, несмотря на то, что на их стороне сила. Очень часто можно сделать более радикальные шаги – например, сформировать первую тройку блока во главе с женщиной – профессиональным политиком типа Маргарет Тэтчер. Вслед за ней предоставить места мужчинам. Но у нас нет такой культуры. Необходимо еще 10-15 лет, чтобы мужское сообщество понимало, что в политике в XXI веке необходимо задавать гармонию партнерства между женщинами и мужчинами. Сегодня если женщина в условиях постоянной дискриминации все-таки прорывается наверх, то ее профессиональный уровень намного выше, чем у такого же пробившегося мужчины. Слишком много выстроено препятствий.

ПАРЛАМЕНТЕ МЫ РАБОТАЛИ ЦЕЛОЙ КОМАНДОЙ

Конечно, есть и минусы. Предвыборная кампания – это жесточайшая борьба между политическими партиями и движениями. Данный референдум политики даже из дружественных партий упорно не хотят замечать. И это несмотря на то, что многие реально выступают за большинство из тех предложений, которые мы пытаемся вынести на всенародное обсуждение. Ведь не обязательно твердить о том, что вы нас поддерживаете – достаточно рекомендовать своим региональным отделениям поддержать эту процедуру на местах. Ведь если референдум состоится, то мы действительно сможем ограничить депутатскую неприкосновенность, и куча уголовников не будет стремиться во власть, видя в этом избавление от преследований. Во-вторых, может быть действительно узаконено во веки веков, что в боевых конфликтах на территории страны не воюют новобранцы. Посмотрите, ведь большинство наших конкурентов разделяют в своих программах тезис о необходимости сокращения полномочий президента по отправке в отставку премьер-министра. Но референдум никто из них не поддерживает. Нас не интересует публичная поддержка, тем более что все понятно – идет политическая борьба. Но если вы говорите, что являетесь настоящими государственниками – можно присоединиться для того, чтобы потом впервые в жизни политики нашей страны сказали: «Это сделали мы и мы объединились для того, чтобы решить общие проблемы». И народ наконец понял то, что мы не только кричим, но и делаем конкретные дела. Посмотрите – в Москве и Петербурге, поскольку здесь сконцентрировались элитные группировки, борьба за референдум идет тяжелейшая. Чем дальше в провинцию, тем чище люди и тем чище и откровеннее само политическое движение.

Люди, голосуя за мужчину, не требуют от него многого. При голосовании за женщину избиратели требуют от нее идеала политика. Мужчина может быть даже косноязычным и все равно нравиться избирателям. Он может быть грубым, даже хамом, и он тоже приемлем по ряду других критериев. Он может быть вообще «бледной поганкой», ничего не значащей, но уже то, что он имеет определенную власть, вызывает у избирателя доверие. Женщина, чтобы стать политиком высокого класса, должна обладать и умом, и женственностью, и демонстрировать, что она женщина-мать, и показывать, что она может побеждать и принимать решения, она в конце концов должна быть примером высочайшей культуры. Если Путин, например, может выражать свои мысли в эфире прямо, по-солдатски и после этого его рейтинги растут, представьте, что если то же самое сказала Хакамада. Что тогда будет с обществом? К женщине предъявляется огромное количество претензий, причем каждый раз с двойным дном: что у женщин, что у мужчин. Мужчинам женщины-политики нравятся, но многие из них боятся феминизма, женщины же начинают ревновать. И в таких условиях набирать необходимые рейтинговые очки очень тяжело. Женщина сегодня может придать огромный потенциал политическому движению. К сожалению, это мало кто понимает. И именно поэтому, в силу протеста, женщины создают такие мелкие женские партии, возглавляют какие-то совершенно маргинальные блоки. Я сама через это прошла в 1995-м году. Это был своеобразный протест. Но уже потом я поняла, что это, конечно, неэффективно – нельзя в случае протеста разрушать демократическое поле. Поэтому я убрала собственные амбиции. Отдельный депутат в парламенте ничего решить не может. Это мой опыт. И нужно добиваться того, чтобы в парламенте мы работали целой командой.